Садово-парковое искусство эллинистических государств Малой Азии

Статья продолжает цикл публикаций автора по садово-парковому искусству эпохи эллинизма. Рассматривается культурный регион, который уже в древнейшие времена был контактной зоной между греческим миром и Востоком. Прослеживается историческое наследие Фригийского и Лидийского царств, а также Персидской империи, оставивших правителям эпохи эллинизма священные рощи, охотничьи заповедники-парадизы и террасные парки с регулярной планировкой. Особое внимание уделяется паркам Понтийского царства времени правления Митридата VI Евпатора и паркам Пергама. Загородная резиденция Митридата VI в Кабире интересна как первый в истории европейского садово-паркового искусства образец пейзажного парка, в котором присутствуют мотивы, характерные для парков времени романтизма. Кроме того, парки в Кабире и в Пергаме обладали уникальными коллекциями ядовитых и лекарственных растений, собранных Митридатом VI и Атталом III. По мнению автора статьи, эти коллекции, помимо утилитарного назначения, будучи сырьем для приготовления ядов и лекарств, имели эстетическую ценность, обогащая парковые ландшафты, а их природные качества были тесно связаны с мифологией и религией греков. Базой исследования являются сохранившиеся в первозданном состоянии ландшафты Черноморского побережья Турции, богатый археологический материал, накопленный за полтора столетия раскопок в Пергаме, и письменные источники, сочинения античных авторов, среди которых еще не переведенные на русский язык труды поэта и ученого II века до н. э. Никандра Колофонского.

Ключевые слова: садово-парковое искусство, эллинизм, Малая Азия, Понт, Вифиния, Пергам, Митридат VI, Аттал III, Никандр Колофонский

Valerij P. Porshnev

Landscape gardening art of the Hellenistic states of Asia Minor

The article continues a cycle of publications of the author on Hellenistic landscape gardening art. The cultural region, which already in the most ancient times was a contact zone between the Greek world and the East is considered. The historical heritage of the Phrygian and Lydian kingdoms and the Persian Empire, which bequeathed to governors the Hellenistic era sacred groves, hunting reserves paradises and terrace parks with regular planning is traced. Special attention is devoted to parks of the Pontic kingdom of time of Mithridates VI Eupator's government and parks of Pergamon. The country residence of Mithridates VI in Kabeira is interesting as a sample of the landscape park, the first in the history of the European landscape gardening art, at which there are motives characteristic for parks of time of Romanticism. Besides, parks in Kabeira and in Pergamon had unique collections poisonous and the herbs gathered by Mithridates VI and Attalus III. According to the author of article, these collections, besides utilitarian appointment, being raw materials for preparation of poisons and drugs, had aesthetic value, enriching park landscapes, and their natural qualities were intricately connected with mythology and religion of Greeks. Base of a research are the landscapes of the Black Sea coast of Turkey, the rich archaeological material saving up in one and a half centuries of excavations in Pergamon, and written sources, compositions of antique authors, among which are the works of poet and scientist 2nd century BC Nicander of Colophon not yet translated to Russian.

Keywords: landscape art, Hellenism, Asia Minor, Pontus, Bithynia, Pergamon, Attalus III, Mithridates VI, Nicander of Colophon

DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-112-120

Малоазиатский полуостров считается одним из древнейших на планете очагом садоводства. Задолго до становления эллинской цивилизации проживавшие здесь народы освоили виноградарство и виноделие, выращивание оливок и других видов садовых культур, а также цветоводство. Правителю Фригии и европейской Фракии царю Мидасу, ученику и

почитателю Орфея, греческие мифы приписывают культивацию на обоих берегах Мраморного моря столепестковой (hekatontaphylla) розы, ставшей атрибутом орфических таинств на склонах горы Пангей [1, с. 203–204]. Это могли быть *Rosa damascena*, или дикорастущая *Rosa centifolia*. Розовые кусты, достигающие иногда двухметровой высоты, сегодня можно

встретить в городском парке Наусы, городке к западу от Фессалоник. Кусты шестидесятилепестковых (*exēkontaphylla*) роз встречаются и по дороге в соседний городок Копанос. Именно в этих местах древние помещали мифические сады Мидаса [2, с. 414].

Обратным заимствованием является введенный в Греции, в результате длительной селекции, пирамидальный кипарис (*Cupressus sempervirens pyramidalis*), связанный у греков с культом Аполлона.

Тесные контакты греческих городов-колоний малоазиатского берега с государствами Малой Азии (Фригия, Лидия, затем – Персидская держава) обусловили схожесть садово-парковой флоры.

По обоим берегам Эгейского моря в период морской гегемонии финикийцев (VIII в. до н. э.) получает распространение финиковая пальма, также связанная с культом Аполлона, равно как и с культом Артемиды, богини, особенно почитаемой на малоазиатском побережье, отождествляемой здесь с местными богинями плодородия. Гипотетический центр распространения финиковой пальмы – Делос, священный остров Аполлона.

Финиковая пальма в садах Греции и Малой Азии, хотя финики прочно вошли в рацион, больше выполняла декоративные функции. Как и виноградная лоза, овивавшая перипаты (прогулочные галереи), конкурируя с любимым греками плющом, священным растением Диониса. И даже олива, священное дерево Афины, сохранив утилитарное назначение, стала также и садовой культурой, дающей тень и прохладу.

В Малой Азии были повсеместно распространены священные рощи. Во Фригии таковыми были сохранявшиеся до римского времени рощи Кибелы и Аттиса, окружавшие архаические святилища (*opasa silvis redimita loca*), лужайки, окропленные свежей кровью (*sola terrae recente sanguine maculans*), оскотливших себя фанатиков [3, р. 90].

В них преобладала длиннохвойная средиземноморская сосна (*Pinus brutia*), выросшая на крови Аттиса и (как вечнозеленое дерево) символизирующая возрождение жизни. Но наверняка встречалось и миндальное дерево (*Prunus dulcis*), связанное с культом сопричастного культу Кибелы и Аттиса божества-гермафродита Агдистис [4, с. 146]. Возле руин храма Кибелы (Великой Матери богов) в Пессинунте (совр. Баллыхизар неподалеку от Анкары) с незапамятных времен растут пирамидальные серебристые тополя (*Populus alba*), в противовес черным тополям, символам смерти, выра-

жавшие ту же идею вечного повторения жизненных циклов.

Вмешательство человека обычно было минимальным. Ритуальной поляне придавали идеально круглую форму. Прочие участки старались оставить такими, какими они были во времена гипотетического пребывания там богов и героев.

Отметим, что в эллинистическое время в Малой Азии оставались довольно большие по площади лесные массивы, часто, но не обязательно имевшие культовое назначение. Буковые леса были распространены в Мисии, название получившей от *mysos* (бук). Когда-то здесь существовала особая форма человеческих жертвоприношений: в леса (на погибель или выживание) отправляли каждого десятого местного жителя, посвящая его божеству [5, с. 536].

Возле Колофона – роща Аполлона из ясеневых деревьев [4, с. 146]. Ясень, из которого изготовляли древки копий, символизировавший мужскую силу, почитался священным деревом Зевса и Аполлона.

Охранялись места, отмеченные присутствием исторических личностей, которым посмертно воздавались божественные почести. В роще возле Смирны гостям города показывали платан, под которым заснул Александр Македонский после охоты [4, с. 126].

В Писидии (окрестности Сельги) горные вершины поросли лесами разных пород, среди которых выделялись дерево стиракс (*Styrax officinalis*) [5, с. 534], ценимое за ароматные масла, а на полянах рос сельгийский ирис [5, с. 535], священный цветок богини Ириды.

Все окрестности Амасии (Понтийское царство) были покрыты густым лесом [5, с. 526]. Лес со множеством диких зверей рос возле Приены, по склонам горы Микале [5, с. 595].

Греческими поселенцами на основе этих лесов и священных рощ, доставшихся от коренных жителей, стали создаваться уже настоящие пейзажные парки. На морском побережье возле Эфеса появляется Ортигия, парк разнообразных деревьев, в большинстве – кипарисов [5, с. 598–599; 6, с. 108]. Сюда поселенцы перенесли действие мифа о рождении Аполлона и Артемиды [5, с. 598], а также о битвах Аполлона с циклопами и Диониса с амазонками [6, с. 108].

Парк простирался до самой вершины горы Сольмисс. На священной поляне росла маслина, под которой Латона разрешилась от бремени и где кормилица Ортигия (в честь

которой местность получил имя) приняла на руки божественных близнецов. Через парк протекала река Кенхрий, где Латона совершила омовение после родов. Здесь было построено несколько храмов, в которых стояли как древние деревянные статуи, так и работы знаменитого Скопаса – Латона со скипетром и Ортигия, державшая Аполлона и Артемиду. В честь рождения богов в парке устраивались ежегодные празднества с жертвоприношениями и угощениями, когда гостям раздавалось жертвенное мясо. Обычно у греков это были сугубо мужские трапезы, для которых строились специальные трапезные (*andrōnes*).

Рассказывая об Ортигии, Страбон употребляет греческий термин *alsos*, преимущественно означавший рощу, связанную со святилищем, в сочетании с прилагательным *diaprepes* (замечательное, славное, блистательное). *Alsos* подчеркивает промежуточное положение таких протопарков, с одной стороны, консервирующих природу, но, в то же время, слово указывает на деятельность человека, хотя бы, если даже исключить искусственные посадки и культовое строительство, на уровне создания какого-то типа ограждения, отделявшего священную территорию от остального леса.

Неслучайно, по одной из версий, это слово восходит к древнему индоевропейскому корню *ls* (откуда русское «лес») с отрицательным префиксом «а» (букв. «не лес»).

Античные авторы при описании Малой Азии часто используют другой термин – *paradeisos*, от авестийского *pairi.dāēza*, означавший, как и *alsos*, место, каким-либо образом огороженное, но утратившее сакральные функции и используемое, преимущественно, для охоты и развлечений. Почти двести лет владычества персов в Малой Азии оставили эллинистическим монархам богатое наследие в виде таких парадизов.

Большой парадиз в Келенах (Фригия), сократившись в размерах, стал городским парком новой резиденции царей династии Селевкидов Апамея Кибот (Апамея-на-Меандре), построенной Антиохом I в 280-е гг. до н. э. Его отличала необычная планировка. Исток реки Меандр находился прямо под террасой дворца.

В парке начиналась другая река – Марсий, протекавшая параллельно, затем сливавшаяся с Меандром. Источники (*ῥεῖαι*), у греков всегда связывались с образами нимф-хранительниц воды. Поэтому можно уверенно сказать, что в парке при его реконструкции появились изваяния нимф и жертвенники. Мифологическая «составляющая», кроме

того, включала озеро сатира Марсия, поросшее камышом, из которого сатир изготавливал флейты. И пещеру, в которой Аполлон, после проигранного состязания, повесил содранную им шкуру Марсия [7, с. 10].

После разгрома римлянами Антиоха III, в 187 г. до н. э., владения Селевкидов перешли к правителям Пергама, Вифинии и Понта.

Цари Понта унаследовали охотничьи угодья персидских сатрапов в Фемискире [5, с. 547], мифической столице понтийских амазонок, в Амасии и в Кабире, любимой резиденции Митридата VI.

Парк в Кабире занял значительную часть охотничьего заповедника персидских времен. Хотя в столь отдаленный регион своего царства вряд ли наведывались цари, он служил местом охот сатрапов, от которых вели родословную правители Понта. Южной границей была река Лик (совр. Келькит). Заповедник тянулся вдоль ее гористого берега от Кабир (совр. Никсар) до Евпатории (Ербаа), где река впадает в более крупный поток – Ириду (Ешил-Ырмак). Это более 40 километров. До настоящего времени здесь сохраняются значительные лесные массивы. Главные породы – бук, клен, сосна и понтийский орех (*Corylus colurna*), чьи плоды экспортировались во все страны Средиземноморья.

Северная естественная граница охотничьих угодий проходила по горному хребту Париандр, пересеченному многочисленными малыми реками с водопадами и ущельями, придающими пейзажу своеобразную «дикую» красоту. Особенно привлекательную для Митридата VI, который провел молодые годы в горных лесах Понта, срываясь от посягавших на его жизнь родичей [8, с. 204]. Помимо эстетического и утилитарного факторов, обусловивших консервацию естественного ландшафта (необходимость сохранения поголовья диких зверей, на которых царь и его спутники охотились с тем же размахом, как прежние сатрапы Персии), отметим фактор религиозный. Как показывает наименование ближайшего города (Kabeira), эти места были одним из центров почитания древних богов Кабиров, чей культ, причудливо слившийся с культом братьев Диоскуров, усиленно насаждал Митридатом VI [9, с. 119–120].

Прочие, известные нам культовые места, связанные с этими божествами (Фригия, Самофракия, Троада, Беотия, Лемнос), всегда представляли собой священные рощи, облагороженные как посадками, так и вырубками деревьев, окружавшие храмы и отдельно стоявшие жертвенники.

Парк Митридата VI, занимавший среднюю часть заповедника, непосредственно примыкавшую к дворцу царя, в сравнении с ними совершенно уникален. Это был какой-то отдаленный прообраз европейских парков эпохи романтизма, также включавших, кроме дикорастущих деревьев, быстротекущие ручьи, водопады, скалы, гроты, ущелья, нагромождения камней. И сам дворец правителя, названный *Kainon Chōrion* (Новая Крепость), хорошо гармонировал с дикой красотой местности – неприступный замок на горной вершине, сложенный из массивных камней. С вершины в речку, протекавшую по дну ущелья, низвергался водопад. Здесь была построена водяная мельница (*hydraletēs*), в те времена редкое инженерное сооружение. Страбон [5, с. 556] упоминает *zōgreia* (рыбные пруды) и *thērai* (загоны для животных), т. е. подобие зоопарка, в отличие от рядом расположенных мест охоты, предназначенного исключительно для показа животных царским гостям.

Страбон, посещавший эти места после разграбления Новой Крепости римлянами, уже не застал самой экзотической достопримечательности парка, плантации ядовитых и лекарственных растений Митридата VI, к которым можно добавить растения, используемые царскими парфюмерами.

Об этих увлечениях царя Понта написано достаточно много [10, с. 291–301], поэтому мы ограничимся предположением, имеющим непосредственное отношение к садово-парковому искусству. Многие такого рода растения (корица, мирра, кассия, шафран, имбирь, опиумный мак, беладонна, олеандр, аконит и др.) красиво цветут и насыщают воздух дурманящими ароматами. Поэтому грядки в сезон цветения были похожи на экзотические клумбы, а к любованию ядовитыми цветками и кустарниками примешивался благоговейный страх, поскольку все они были связаны с культами эллинических и малоазиатских богов и богинь. Например, олеандр (*Nerium oleander*), и в наши дни украшающий, несмотря на ядовитость, многие парки Южной Европы, почитался как священное растение Афродиты.

О том, что ботанические пристрастия Митридата VI не ограничивались фармакологией и парфюмерией (и выходили далеко за пределы парка его резиденции-крепости), свидетельствует Плиний Старший, по словам которого царь Понта и его подданные проявляли заботу не только о фруктовых садах, но культивировали мирт и лавр для священнодействий (*sacrorum certe causa*), фикус (*Ficus*

punica) и другие теплолюбивые растения, хоть и не всегда успешно [11, р. 478]. Гней Помпей, овладев резиденцией Митридата VI, вывез в Рим и продемонстрировал во время триумфальной процессии 61 г. до н. э. редкое эбеновое дерево (*Hebenus*), доставленное в Понт из лесов Индии, Шри Ланки или тропической Африки [12, с. 120], в любом случае из очень отдаленных от Малой Азии регионов. Наиболее распространенный вид – африканский черный эбен (*Diospyros crassiflora*). Причем теплолюбивое тропическое дерево у Митридата VI произрастало, скорее всего, в кадке, в одном из обогреваемых зимой залов дворца либо в отопляемом павильоне в парке. Очень медленно растущее, оно могло оставаться не высаженным в открытый грунт до десятка лет.

К сожалению, мы имеем крайне скудные сведения о парках соседней с Понтом Вифинии. Неподалеку от Прусиады, одной из царских резиденций, засвидетельствована занимавшая склон горы Арганфоний священная роща Гила, любимца Геракла, похищенного нимфами. Здесь ежегодно устраивались вакхические праздники с блужданиями вакхантов по лесу (*hylē*), своеобразной имитацией поисков Гила.

В горах близ Никеи, города, соименного с именем нимфы Никеи, дочери Реи-Кибелы и любовницы Диониса, находилась священная роща, где Никея родила Сатира, с источником, в котором Дионис обратил воду в вино [13, р. 547].

В Никее и в Никомерии, главных царских резиденциях, были построены роскошные дворцы правителей, но их полностью поглотили постройки римского времени. Так дворец Диоклетиана в Никомерии, воздвигнутый в конце III в., в комплексе с дворцами жены и дочери, базиликами и цирком [14, с. 137] был построен на месте дворца вифинских царей, занимая целый городской квартал, что позволяет предположить на части этой огромной территории прежнюю парковую зону.

Больше информации мы имеем о парках Пергама, чьи правители, после разгрома римлянами Антиоха III, как друзья и союзники римского народа получили большую часть малоазиатских владений Селевкидов, включая священные рощи Кибелы и Аттиса возле Пессинунта, парк в Келенах и всю территорию Троады, где охотничьи заповедники были у подножья и на склонах горы Ида. Неподалеку, в Офринии, им перешла священная роща Гектора [5, с. 558], где, по преданию, был похоронен троянский герой.

Наибольший интерес представляют сведения о царских садах в самом столичном городе Пергаме.

Уникальность планировки Пергама в том, что он расположен на скале с крутыми склонами и развивался сверху вниз, от Верхнего города, где была построена неприступная крепость, до Нижнего города у подножья скалы. Весь период существования Пергамского царства его правители срезали скальные породы, создавая многочисленные больших и малых размеров террасы, укрепляя их мощными контрфорсами.

При Атталей I (241–197 до н. э.), в непосредственной близости от города, но за его стенами, уже существовала огороженная (*peribolos*) и украшенная вызывавшими восторг статуями священная роща в Никефории, святилище богини-покровительницы Пергама Афины Победоносной [15, р. 232; 16, с. 260]. Разоренная македонским царем Филиппом V в 200 г., в отместку за то, что он не смог взять крепость Атталей I, воевавшего против него на стороне римлян, роща была посажена заново. Ее ограду заново построили за счет проигравшего в итоге войну царя Македонии [17, с. 69]. То есть, к воцарению Евмена II (197–159 до н. э.), при котором государство достигло наивысшего могущества и финансового благополучия, Никефорий уже был восстановлен. Кроме того, как ясно указывают письменные источники, священная роща находилась внутри ограды. Между тем, согласно Страбону [5, с. 585], Евмен II окружил (*katephyteuse*, букв., обсадил) внешним парком (*alsei*) Никефорий. В русском переводе Страбона: «насадил в Никефории парк». Следовательно, либо Евмен II расширил священный участок за счет внешнего пояса зеленых насаждений, либо Страбон пишет о другом Никефории.

Другой (и главный) храм Афины Победоносной находился в Верхнем городе. Его священный участок занимал территорию к югу от цепочки зданий царских дворцов на самой вершине скалы, вплотную примыкавших к северной городской стене. Рассказав о парке, Страбон сразу же пишет о священных подношениях Евмена II (*anathemata* – дары храму и помещения для их хранения, в русском переводе Страбона: «священные здания»). И о том, что правитель обустроил (*kateskeuase*) библиотеки. Это слово у древних авторов часто употребляется во множественном числе. В данном случае говорится о знаменитой библиотеке при храме Афины, сопернице библиотеки в Александрии Египетской. Это было длинное здание, вплотную примыкавшее к стене свя-

щенного участка храма. Сразу за ним, через сто лет после Плутарха, римляне воздвигли храм обожествленного императора Траяна (*Trajanum*). Для его основания была создана поддерживаемая аркадами и контрфорсами каменная платформа, примерно 200 x 60 метров. При этом храм занимал только ее среднюю часть (68 x 58 метров). По обе стороны оставались свободные пространства. Прежде на месте единой римской террасы находились целых три, постепенно спускавшиеся к Никефорию. Последняя была на одном уровне с библиотекой. Вне зависимости от того, как трактовать слова Страбона, можно предположить, что при Атталидах тут был трехуровневый парк. Старейшая его часть – верхняя терраса – примыкала к первому дворцу, построенному основателем династии Филетером. Следующая – ко дворцу Атталей I. Вероятно, эти территории были запретными для горожан, предназначаясь лишь для царей, их домочадцев и придворных. К предполагаемым парковым сооружениям можно отнести найденный на этом участке круглый мраморный алтарь, судя по изображенному на нем оленьим рогам посвященный Артемиде [18, р. 159]. Напротив, нижняя, смежная с Никефорием терраса могла быть частью созданной Евменом II «общественной зоны», включавшей выставленные на показ в специальных помещениях дары, среди которых преобладали произведения пластики и ювелирного искусства. И библиотеку, где был специальный зал для пиршественных собраний (симпосиев) находившихся на царском содержании ученых и поэтов.

В гипотетической парковой зоне Атталей II (159–138 до н. э.) построил экседру, сооружение в виде амфитеатра с мраморными скамьями для слушателей, обрамленного прогулочными галереями. При возведении храма Траяна она была сохранена [19, с. 57–64].

Подобную постройку Страбон упоминает в описании Александрии. Там она была частью архитектурного комплекса Александрийского Мусея, местом собраний интеллектуального содружества (синада) служителей Муз. Соперничая с Птолемеями, Атталиды собрали при своем дворе собственный «мусический хор». Хотя в Пергаме не выявлено археологических фрагментов, свидетельствующих о существовании там большого храма Муз, за теменосом храма Афины Победоносной при Евмене II строится Стоя, парадная колоннада почти стометровой длины. На террасе перед ней найдены фрагменты десяти статуй, по атрибутике отождествляемые с Музами и Дионисом. Термин *Museion* (в стяженной форме

Musion) по отношению к Пергаму употребляет дважды Элиан [20, р. 263, 416]. Но, скорее, в значении «союз», «содружество» без привязки к конкретному культовому зданию. Местом же собраний союза могли быть и трапезная при библиотеке, и экседра в парке.

По крайней мере один из членов союза был явно связан с ботаническими коллекциями Аттала III (138–133 до н. э.), последнего правителя Пергама. Это Никандр Колофонский, поэт, историк, географ, врач и ботаник, из многочисленных сочинений которого сохранились «фармацевтическая» поэма «О противоядиях» (*Alexipharmaka*), посвященная ядовитым и лекарственным растениям. Также к садоводству имела отношение утраченная поэма «Георгики», вдохновившая Вергилия [21].

Плутарх [22, с. 379] сообщает, что Аттал III самолично сеял и выращивал лекарственные растения (*pharmacodeis botanas*) в саду своего дворца (*en tois basileiois*), изучал их свойства и сам собирал урожай. Его коллекция включала растения целебные и ядовитые [6, с. 203]. Плутарх перечисляет белену (*hyoskuamos*), чемерицу (*elleboros*), цикуту (*kōneion*), аконит (*akoniton*), дорикний (*doryknion*). Здесь Аттал III выступает прямым предшественником Митридата VI, опережая царя Понта более чем на шесть десятилетий. Так, его универсальному лекарству «митридатий» предшествовал целый ряд снадобий, составленных Атталом III и названных «атталидами» [23, р. 516]. Митридат VI, избравший Пергам своей резиденцией во время войны с Римом 89–85 гг. до н. э., если и не застал грядки в дворцовом саду Атталидов, то наверняка был знаком с поэмой Никандра.

Как и в случае с Митридатом VI, ботанические пристрастия Аттала III нельзя, по нашему мнению, сводить только к поискам ядов и противоядий. Грядки-клумбы были одновременно украшением парка. Белена цветет желтыми с фиолетовыми прожилками цветками, желтыми с черной сердцевинкой (*Hyoscyamus niger*) или бледно-желтыми с фиолетовым зевом (*Hyoscyamus albus*). Мифы связывают белену со сказочным садом Цирцеи (Кирки), у которой гостил Одиссей. Цветы чемерицы белые и фиолетовые с дурманящим ароматом, смертельные для садящихся на них пчел, тем не менее могут быть объектом любования. Отвар чемерицы служил любовным напитком и был связан с культом Афродиты. Аконит, цветущий особенно красиво, согласно преданию, вырос из слюны адского пса Кербера; этот цветок вынес из подземного мира Геракл.

У Никандра, помимо подробного описания пурпурного цветка алкибия, чья идентификация остается предметом ученых дискуссий [24, р. 91–100], есть сведения о критской айве (*Pyrus Cydonia*), о дианфе, священном цветке Зевса (*Dianthus inodorus*, разновидности гвоздики), о нарде (*Nardostachys*), киликийском и сирийском, из которого приготавливалась очень дорогая нардовая мазь, о плодах вечнозеленой персеи (*Persea indica*), разновидности лаврового дерева.

Интерес к ботанике, видимо, был родовым у Атталидов. Страбон [5, с. 565] цитирует некое сочинение Аттала I с подробным описанием гигантской сосны, росшей в Троаде, у подножья Иды, в местности, которая так и называлась – Прекрасная Сосна (*Kalē Peukē*).

Возвращаясь к Атталу III, отметим, что, кроме заботы о грядках в саду, царь занимался лепкой, художественным литьем и чеканкой. А также построил по своему проекту гробницу (*sepulchrum*) матери Стратоники, которую, по слухам, сам же и убил [8, с. 203]. Запятнанный убийствами родичей и друзей, боявшийся покушений, царь редко покидал дворец на вершине холма. Поэтому можно предположить, что гробница располагались в том же парке, что и плантации. Скорее всего, они занимали верхнюю из трех террас, недоступную для народа.

Прежде, после первых раскопок, к царским паркам причисляли еще более высокую террасу севернее комплекса дворцов. В старых реконструкциях ее именовали Садом царицы, поскольку предполагалось, что она примыкала к женским покоям [25, с. 175–176]. Позже выяснилось, что здесь находился арсенал с запасами каменных ядер, выставленных теперь под открытым небом на Верхней агоре. Таким образом, единственным местом в Верхнем городе, где мог быть разбит царский парк, остается территория будущего храма Траяна и ее окружение. Что подтверждается наличием выдолбленных в скальном основании цистерн, в которых накапливались запасы воды, достаточные для обеспечения всего дворцового комплекса и святилища Афины [26, р. 236, 276]. Но также достаточные для каждодневной летней поливки деревьев и клумб.

Дворцовые здания имели внутренние дворы (перистили), но их площадь была слишком мала для веских оснований отождествить их с царскими парками [27, р. 167]. Хотя отсутствие каменного мощения допускает наличие и там клумб и кустарников.

Под вопросом остается терраса южнее Никефория, нависающая над театром и хра-

мом Диониса. Здесь, возможно, был отдельный небольшой парк, служивший как бы смотровой площадкой, с которой открывался вид не только на театр и храм, но и на Нижний город.

Террасная планировка побуждает вспомнить Сарды, где при персах также на нескольких террасах царевичем Киром Младшим был разбит сад-парадиз с прямыми аллеями и деревьями, посаженными строго на одинаковом расстоянии друг от друга [28, с. 211–212]. Он мог существовать по крайней мере до 213 г. до н. э., когда Сарды, в наказание за участие в мятеже, разрушил Антиох III. Неизвестно, под его ли влиянием или самостоятельно, но архитекторы Пергама проектировали парк по тем же планировочным принципам, прорезав террасами горный склон.

В 133 г. до н. э. Пергамское царство было аннексировано римлянами на основании завещания Атталы III, передавшего свои владения Риму. Отказавшись признать подлинность завещания, царевич Аристоник, сводный брат Атталы III, поднял восстание, продолжавшееся более трех лет. Где-то на освобожденной территории Аристоник стал строить город Солнца (Heliopolis). Среди историков давно ведется спор, был ли этот замысел протокоммунистической утопией города-государства без рабства и частной собственности, или же Аристоник лишь пообещал свободу и землю участвовавшим в восстании рабам [29, с. 125–151].

Сторонники первой точки зрения ссылаются на прецедент со строительством Уранополя на Афоне македонским царевичем Александром ок. 315 г. до н. э. [5, с. 307–308], будто бы тоже пытавшимся воплотить в жизнь идею всеобщего равенства. И на популярное во II в. до н. э. сочинение Ямбула, описавшего сказочный остров в Индийском океане, где все трудятся, где нет рабов, где счастливые островитяне собираются вместе на праздниках, славя гимнами богов, среди которых первое место принадлежит Солнцу [30, р. 64–82]. Утопии древности и Нового времени обычно включают в проекты социального переустройства образ идеального города, где важнейшая роль отводится общественным паркам. Но, к сожалению, нам неизвестны ни истинные замыслы Аристоники, ни археологические фрагменты Гелиополя.

При римлянах Пергам не только утратил статус столицы, но даже не стал центром провинции Азия. Значительную часть бывших царских дворцов заняли казармы, оружейные и иные склады, лавки. Парки Верхнего города

могли просуществовать до строительства Траянея либо были утрачены раньше. Глобальная «зачистка» территории под террасу храма Траяна уничтожила всякие их следы.

Парк пригородного Nikephoria, в силу его сакрального значения, оставался в неприкосновенности до конца язычества. В другом пригородном святилище Пергама, знаменитом храме Асклепия, в римское время процветала сложившаяся при Атталидах медицинская школа. В середине II в. н. э., на средства уроженца Пергама консула Пактумея Руфина, храмовый комплекс был значительно расширен и включал в себя портики, больничные корпуса, библиотеку, театр, бассейны при горячих и холодных источниках, грязелечебницу и священную рощу. Будучи зоной купаний и омовений, местом прогулок выздоравливающих больных и такой специфической процедуры как «священный сон» возле парковой ограды [31, с. 52, 56, 74], она также сохранялась вплоть до закрытия языческих святилищ в 391 г., указом императора Феодосия I.

Список литературы

1. Теофраст. Исследование о растениях / пер. с древнегреч. М. Е. Сергеев. Москва; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 591 с.: ил.
2. Геродот. История: в 9 кн. / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1993. 600 с.
3. Catullus. Carmen LXIII // Catullus. Tibullus. Pervigilium Veneris. London: W. Heinemann; New York: G. P. Putman's Sons, 1921. P. 90–97.
4. Павсаний. Описание Эллады: в 2 т. / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева. М.: Ладомир, 1994. Т. 2, кн. 5–10. 592 с.
5. Страбон. География: в 17 кн. / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
6. Тацит. Анналы / пер. с лат. А. С. Бобовича // Тацит. Сочинения: в 2 т. Москва: Ладомир, 1993. Т. 1. С. 7–326.
7. Ксенофонт. Анабасис. Греческая история / пер. с древнегреч. М. И. Максимовой, С. Я. Лурье, С. А. Соколовского. М.: АСТ: Астрель, 2011. 638 с.
8. Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «Historiae Philippicae» / пер. с лат. А. А. Деконско, М. И. Рижского. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 493 с.
9. Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.: Триумф принт; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
10. Мэйор А. Митридат: отважный воин, блестящий стратег, зловещий отравитель 120–63 гг. до н. э. М.: Центрполиграф, 2015. 544 с.
11. Pliny. Natural History / Engl. transl. by H. Backham. London: W. Heinemann LTD; Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press, 1960. Vol. 4, lib. 12–16. 556 p.

12. Древний Восток в античной и раннехристианской традиции: (Индия, Китай, Юго-Восточная Азия). М.: Ладомир, 2007. 642 с.

13. Memnon. De rebus Heracleae, XLI // *Fragmenta historicorum Graecorum*. Parisiis: A. F. Didot, 1849. Vol. 4. P. 525–558.

14. Лактанций. О смертях преследователей / пер. с лат. В. М. Тюленева. СПб.: Алетейя, 1998. 279 с.

15. Diodorus of Sicily. The Library of History: in 12 vols / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann, 1957. Vol. 11, bks 32–40. 465 p.

16. Полибий. Всеобщая история / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 2005. Т. 2, кн. 6–25. 414 с.

17. Ливий Т. История Рима от основания города: в 3 т. / пер. с лат. В. М. Смирнова, Н. А. Поздняковой и др. М.: Наука, 1994. Т. 3, кн. 31–45. 768 с.

18. Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World. New York: Metropolitan Museum of Art; New Haven: London: Yale Univ. Press, 2016. 368 p.

19. Stiller H. *Altertümer von Pergamon: Das Traianeuum*. Berlin: Verl. von W. Spemann, 1895. Bd. 5, t. 2. 70 S.

20. Aelianus. De natura animalium libri XVII // *Claudii Aeliani opera omnia*: in 3 vols. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1864. Vol. 1. LXI, 488 p.

21. Nicander. The Poems and Poetical Fragments / ed. with a transl. and notes by A. Gow, A. Scholfield. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1953. 247 p.

22. Плутарх. Деметрий / пер. с древнегреч. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 369 – 398.

23. Plinius. Natural History: with an Engl. transl. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1963. Vol. 8, libr. 28–32. 596 p.

24. Malomud A. Eponymic plants in Nicander of Colophon and Pliny the Elder: Alcibiuss' herb // *Шаги=Steps*. 2020. Т. 6, № 1. P. 91–100.

25. *Altertümer von Pergamon*. Berlin: Verl. von W. Spemann, 1913. Bd. 1, text 2: Stadt und Landschaft. 364 S.

26. Hansen E. V. *The Attalids of Pergamon*. 2 ed. Ithaca: London: Cornell Univ. Press, 1971. 532 p.

27. Kopsacheili M. Palaces and elite residences in the Hellenistic east, late fourth to early first century BC: formation and purpose: in 2 vols. Oxford: Wolfson College, 2013. Vol. 1: Text and Bibliography. 298 p.

28. Ксенофонт. Домострой / пер. с древнегреч. С. А. Соболевского // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 197–262.

29. Климов О. Ю. Пергамское царство: проблемы политической истории и государственного устройства. СПб.: Нестор-История, 2010. 400 с.

30. Diodorus of Sicily. The Library of History: in 12 vols / with an Engl. transl. by C. H. Oldfather. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1967. Vol. 2, bks II, 35 – IV, 68. 539 p.

31. Аристид Э. Священные речи. Похвала Риму / пер. с древнегреч. С. И. Межерицкой. М.: Ладомир, 2006. 280 с.

References

1. Theophrastus; Sergeenko M. E. (transl.). Research on plants. M.: L.: Publ. house of the Acad. of Sciences of the USSR, 1951. 591 (in Russ.).

2. Herodotus; Stratanovskii G. A. (transl.). Histories: in 9 bks. M.: Ladomir, 1993. 600 (in Russ.).

3. Catullus. Carmen LXIII. Catullus. Tibullus. Pervigilium Veneris. London: W. Heinemann; New York: G. P. Putman's Sons, 1921. 90–97.

4. Pausanias; Kondratiev S. P. (transl.). Description of Hellas: in 2 vols. M.: Ladomir, 1994. 2 (bks 5–10), 592 (in Russ.).

5. Strabo; Stratanovskii G. A. (transl.). The Geography: in 17 bks. M.: Ladomir, 1994. 944 (in Russ.).

6. Tacitus; Bobovich A. S. (transl.). The Annals. Tacitus. Works: in 2 vols. M.: Ladomir, 1993. 1, 7–326 (in Russ.).

7. Xenophon; Maximova M. I. (transl.), Lurie S. Ya. (transl.), Sobolevskii S. A. (transl.). Anabasis. Greek history. M.: AST: Astrel', 2011. 638 (in Russ.).

8. Justin; Dekonsko A. A. (transl.), Riejskii M. I. (transl.). Epitome of Pompey Trog «Historiae Philippicae». SPb.: Saint-Petersburg Univ. publ. house, 2005. 493 (in Russ.).

9. Saprykin S. Yu. Religion and cults of Pontus of the Hellenistic and Roman times. M.: Triumph print; Tula: Grif and K, 2009. 426 (in Russ.).

10. Mayor A. Mithridates: a brave warrior, a brilliant strategist, a sinister poisoner 120–63 BC. M.: Tsentrpoligraf, 2015. 544 (in Russ.).

11. Pliny. Natural History / English transl. by H. Backham. London: W. Heinemann LTD; Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press, 1960. 4 (libr. 12–16), 556.

12. The Ancient East in the Ancient and Early Christian Traditions: (India, China, Southeast Asia). M.: Ladomir, 2007. 642 (in Russ.).

13. Memnon. De rebus Heracleae, XLI. *Fragmenta historicorum Graecorum*. Parisiis: ed. A. F. Didot, 1849. 4, 525–558.

14. Lactantius; Tyulenev V. M. (transl.). On the deaths of the pursuers. SPb.: Aleteya, 1998. 279 (in Russ.).

15. Diodorus of Sicily; Oldfather C. H. (transl.). The Library of History: in 12 vols. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1957. 11 (bks 32–40), 465.

16. Polybius; Mishchenko F. G. (transl.). The General histories. SPb.: Nauka, 2005. 2 (bks 6–25), 414 (in Russ.).

17. Livius T.; Smirin V. M. (transl.), Pozdnyakova N. A. (transl.) et al. History of Rome from the founding of the city: in 3 vols. M.: Nauka, 1994. 3 (bks 31–45), 768 (in Russ.).

18. Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World. New York: Metropolitan Museum of Art; New Haven: London: Yale Univ. Press, 2016. 368.

19. Stiller H. *Altertümer von Pergamon: Das Traianeuum*. Berlin: Verl. von W. Spemann, 1895. 5 (2). 70.

20. Aelianus. De natura animalium libri XVII. Claudii Aeliani opera omnia: in 3 vols. Lipsiae: in aedibus B. G. Teubneri, 1864. 1, LXI, 488.
21. Nicander; Gow A. (ed., transl., notes), Scholfield A. (ed., transl., notes). The Poems and Poetical Fragments. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1953. 247.
22. Plutarchus; Markish S. P. (transl.). Demetrius. Plutarchus. Comparative biographies: in 2 vols. M.: Nauka, 1994. 2, 369–398 (in Russ.).
23. Plinius. Natural History: with an English transl. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1963. 8 (libr. 28–32), 596.
24. Malomud A. Eponymic plants in Nicander of Colophon and Pliny the Elder: Alcibiuss' herb. Steps. 2020. 6 (1), 91–100.
25. Altertümer von Pergamon. Berlin: Verl. von W. Spemann, 1913. 1 (text 2), 364.
26. Hansen E. V. The Attalids of Pergamon. 2 ed. Ithaca: London: Cornell Univ. Press, 1971. 532.
27. Kopsacheili M. Palaces and elite residences in the Hellenistic east, late fourth to early first century BC: formation and purpose: in 2 vols. Oxford: Wolfson College, 2013. 1, 298.
28. Xenophon; Sobolevsky S. A. (transl.). Domostroy. Xenophon. Memories of Socrates. M.: Nauka, 1993. 197–262 (in Russ.).
29. Klimov O. Yu. The Kingdom of Pergamon: problems of political history and state structure. SPb.: Nestor-History, 2010. 400.
30. Diodorus of Sicily; Oldfather C. H. (transl.). The Library of History: in 12 vols. Cambridge (Massachusetts): Harvard Univ. Press; London: W. Heinemann LTD, 1967. 2 (bks II, 35 – IV, 68), 539.
31. Aristides A.; Mezheritskaya S. I. (transl.). Sacred Tales. Regarding Rome. M.: Ladomir, 2006. 280 (in Russ.).